

«ВОНЮЧЕЕ ДНО»

Было около полуночи, когда он заметил её. Стройная, даже худощавая женщина, со спутанными чёрными волосами и диким, решительным взглядом. Давид не знал точно, что заинтриговало его — она не была ни красивой, ни даже привлекательной на его вкус. Но что-то в напряжённой позе, в коротких, отрывистых жестах, в том, как неловко она пыталась заглянуть ему в лицо, затенённое чёрным кашпоном, заставило задержать на ней взгляд.

Впрочем, у Давида не было никакого желания узнавать, чем он заинтересовал незнакомку. Не лучшая идея, учитывая место, в котором они находились.

Это была самая грязная дыра во всём Аннебурге. Весь сброд, все самые отъявленные мерзавцы собирались в пабе «Вонючее Дно». Название не могло точнее передать дух заведения: шумное, тёмное место, где выпивка лилась рекой, постоянно слышалась ругань, пьяный смех, а посетители время от времени развлекали себя кровавыми драками.

Зачем Давид пришёл сюда? Уж точно не искать компании малосимпатичной женщины. У него была назначена встреча с одним барыгой. Встреча, собственно, только что состоялась, и Давид с долей отвращения вертел в руках липкий бокал с элем, думая, куда лучше отправиться: домой, где он и собирался испытать запрещённый ингредиент, или в лабораторию.

— Привет, — полушёпотом произнесла незнакомка, всё же набравшаяся смелости подойти.

Давид поморщился.

— Пиво не любит, когда его греют, — произнесла она, взглядом указывая на напиток в его руке, а затем уселась на высокий стул, который ещё пять минут назад занимал Боро Коробейник:

— Последнее, что я сделаю, — прикоснусь губами к чему-либо в этой дыре.

Незнакомка убрала спутанные волосы за ухо, провела пальчиками по шее и принялась играть с кулоном.

— Да уж, не лучшее местечко, чтобы проводить вечер воскресенья, а? — хрипловатый шёпот, видимо, должен был сделать её голос завораживающим и сексуальным.

Давид поправил очки, чтобы окинуть её более внимательным взглядом, но ничего не ответил. Затем порылся в кармане плаща, намереваясь найти там монеты — оплату за напиток, который так и не решился даже глотнуть, — и уйти.

Заметив это, женщина суетливо схватила его за рукав.

— Ты ведь не уходишь? — спросила она, не забыв добавить в голос нотки, очевидно казавшиеся ей привлекательными. — Не спеши, позволь показать тебе нашу библиотеку...

Последнюю фразу она произнесла настолько двусмысленным тоном, что Давид невольно усмехнулся. Да, даже надев под тренч толстовку и накинув на голову капюшон, он не перестал выглядеть как типичный пижон-интеллектуал. Она ответила ему озорной улыбкой, и её лицо преобразилось.

Сознание решило найти доводы, чтобы позволить незнакомке соблазнить себя. Тело уже начало реагировать: возросло мышечное напряжение, сердцебиение участилось — пока незначительно, — голова чуть склонилась к женщине, словно Давид пытался расслышать, что она говорит. Глаза принялись внимательно изучать собеседницу, оценивая.

— Лотти, — она протянула ладонь, глядя на Давида пронизывающим взглядом, полным страха и желания одновременно.

Он почти чувствовал запах адреналина, что сейчас наполнял её кровь. Давид пожал руку, но своё имя не назвал.

— Можешь не представляться, — сказала она чуть дерзко после затянувшейся паузы. — Я всё равно не zapomню... Пойдём, не пожалеешь, — она повела бровями и кивнула в сторону чёрного хода.

— Послушай, Лотти, — он и сам удивился тому, как мягко прозвучал его голос. — Я пришел сюда не за этим.

— Я уже поняла, что ты не собираешься ни к чему прикасаться губами. Можем обойтись без губ.

Давид едва слышно хмыкнул, затем положил наконец на стойку деньги, что лежали в кармане, и, встав, сказал:

— Я не хочу прикасаться ничем и ни к чему. Найди кого-нибудь менее брезгливого.

Он уже готов был уйти, когда услышал её разочарованное:

— Понимаю, не все способны на спонтанные поступки...

Нельзя сказать, что его это задело. Но уверенность Лотти, что дело в нём, а не в ней, заставила его остановиться и уточнить:

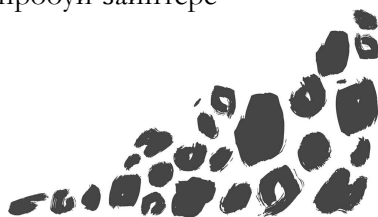
— А тебе не приходило в голову, что ты мне просто не интересна?

Она упёрла руки в бока, привлекая внимание Давида к изящной ключице и небольшой груди, и ответила:

— Скажи это, глядя мне в глаза.

Они уставились друг на друга. Первым сдался Давид — он скрестил руки, устало вздохнул и, окинув Лотти оценивающим взглядом с ног до головы, ответил:

— Ну хорошо. Дам тебе шанс. Попробуй заинтересовать меня.

Взгляд Лотти изменился. Если до этого в нём был вызов, то сейчас отчётливо читалось «вот говнюк!». Давид довольно усмехнулся: раздражать людей было его суперсилой.

Вздохнув, новая знакомая огляделась по сторонам и схватила его за рукав плаща.

— Пойдём, скотти...

«Скотти» — так в народе называли студентов Аннебургского Университета, причём не всех, а тех, кто имел выдающиеся академические успехи. Этому статусу обычно соответствовал определённый внешний вид: пиджаки в мелкую клетку, сумки, набитые книгами, очки в толстой оправе и значки за различные достижения на лацканах. У Давида было три значка — редкое дело.

Конечно, Лотти не могла знать, где он учился десять лет назад, однако попала точно в цель.

— Где гарантии, что там нас не поджидает парочка твоих приятелей, готовых треснуть меня по голове и забрать деньги?

Она глубоко вздохнула, затем прильнула к нему всем телом и, интимно склонившись к уху, спросила:

— А у тебя есть наличка?

Он отстранился и покачал головой.

— Ну так чего тогда боишься? Ну треснут, проверят карманы и отпустят.

Это снова была шутка, Давид не сомневался, но желания это не прибавляло.

— Знаешь, я всё-таки пойду домой.

Не выдержав, Лотти снова склонилась к его уху и начала горячо шептать такие непристойности, что Давид обомлел и на время забыл, как дышать.

Пока он не успел опомниться, она потащила его за собой. Через чёрный ход они прошли на улицу и оказались в узком тупике между «Вонючим Дном» и соседним зданием, принадлежавшим захудалому отелю. Обшарпанная кирпичная стена с облезлой дверью с одной

стороны, точно такая же — с другой. И ещё несколько железных баков, переполненных мусором.

Давид с отвращением огляделся — она ведь не намеревалась заняться сексом прямо здесь? Услышав низкий смешок, он взглянул на Лотти и вопросительно поднял бровь.

— Так и хочется окунуть тебя в эту помойку, чтобы стереть немного лоска, — чуть улыбаясь, произнесла она.

— Если это такая прелюдия, то, боюсь, ты неверно интерпретируешь понятие «грязные словечки».

Лотти подошла к нему на расстояние вытянутой руки и начала медленно расстёгивать пуговики на собственном платье. Первую. Затем крайне неторопливо вторую. Ещё немного — и Давид подумал бы, что она тянет время.

Вдруг из паба послышались крики, ругательства, стрельба, и через мутное дверное окошко Давид увидел, что в помещение ворвались полицейские. Кто-то из них, очевидно, всё это время находился внутри, и теперь они преградили чёрный ход. Давид видел затылок одного из полицейских в нескольких сантиметрах от себя — их разделяло лишь небольшое стекло. Кровь прилила к сердцу, оно забилось чаще, все чувства обострились. Его карьере пришёл бы конец, если бы он сейчас находился по ту сторону двери.

Лотти взглянула в сторону паба, подобралась, скинув ампулу соблазнительницы, и превратилась в амазонку, готовую к бою. Правда, вместо призыва броситься в драку, которая явно разворачивалась внутри, она потащила Давида за собой в противоположную сторону.

— Иди за мной. Думаю, выход из подворотни тоже под контролем. Не стоит попадаться полицейским на глаза.

Давид послушался, полностью соглашаясь.

Она вела его за руку, показывая путь. Они прошли через заднюю дверь отеля, миновали кухню, где тру-

дидась пара полусонных молодых людей в заляпанных фартуках, вышли в узкий коридор с тусклыми светильниками на стенах, оставили позади уставшего тучного мужчину на ресепшене и проследовали к центральному входу — неказистой двери, над которой с обратной стороны, как припоминал Давид, висела выцветшая табличка «Мотель “Отдых”».

Но стоило им выглянуть наружу, как они увидели пару десятков полицейских, расхаживающих по улице, и целый ряд машин с мигалками.

Давид выругался. Последнее, что ему было нужно, — чтобы полицейские обнаружили его в непосредственной близости от «Вонючего Дна».

— Снимем комнату, — бросил он и вернулся к ресепшену. Лотти последовала за ним.

Номер, как и весь отель, оказался слабо освещённым и неудобным, но в целом не настолько грязным, насколько ожидал Давид. В центре стояла большая кровать с хоть и выдавшим виды, но чистым постельным бельём. В стену был встроен неаккуратно окрашенный шкаф. Рядом стоял стул. Справа белая дверь с облупившейся краской вела, очевидно, в ванную комнату.

Они с Лотти вошли внутрь и, оглядевшись, посмотрели друг на друга. Она казалась взвинченной.

— Такое уже случалось? — спросил Давид, чуть кивнув головой туда, где, по его представлениям, находился паб.

Лотти сложила руки на груди и, взглянув в сторону, пожала плечами:

— Я не настолько преданный посетитель, чтобы знать всю историю от основания.

Давид нахмурился: только благодаря тому, что он снисходительно согласился на её предложение, удалось избежать облавы. Но вместо «спасибо, спаситель!» он получил саркастичный комментарий. Какого чёрта?

Он сел на кровать и положил ногу на ногу.

— Ну, и? — он не пытался скрыть раздражения.

Лотти, бездумно рассматривавшая рисунок на обоях, вскинула на него недовольный взгляд.

— Мне казалось, ты хотела познакомиться?

Разные эмоции сменялись на её лице, ни одну нельзя было точно распознать.

— Там остались люди, которые мне дороги, — сообщила наконец она, присаживаясь на кровать — рядом, но не настолько близко, чтобы счесть за приглашение.

Давид раздражённо вздохнул. Он совершенно не был заинтересован в задушевных беседах. Он мог бы давно покинуть этот квартал и увлечённо проводить опыты в своём жилище!

Правда, если брать во внимание произошедшее в пабе, он также мог бы сейчас давать показания в полицейском участке.

— Им ты сейчас помочь никак не можешь, — ответил Давид без намёка на сочувствие.

Его мало волновала судьба посетителей «Дна», так как в основном там ошивался сброд из мошенников, воров и бандитов, грязь общества, настоящее дно, и всем стало бы только лучше, попади те в тюрьму хотя бы на день-другой. Даже Лотти, с её спутанными волосами, неаккуратным, излишне ярким макияжем и сомнительными моральными качествами, казалась созданием весьма привлекательным по сравнению со среднестатистическим обитателем этих мест.

Впрочем, что касалось этой девицы, Давид знал, как обманчиво первое впечатление. Он не доверял ни испуганным честным глазкам, ни обеспокоенному голоску. Быть может, для кого-то его жизнь выглядела эдакой «стерильной лабораторией», но на самом деле ему пришлось повидать всякого.

— Не будем тратить время впустую, — произнёс наконец он. — У меня есть дела. Если только ты не передумала...

Она прочистила горло и решительно взглянула на Давида.

— Послушай... — начала она и замолчала, глядя ему в глаза.

Решив не ждать инициативы от Лотти — или тем более отказа, что в сложившихся обстоятельствах могло стать ударом по его эго, — Давид взял ситуацию в свои руки. В конце концов, он уже настроился, оплатил номер...

Медленно окинув стройную фигуру взглядом, он протянул руку и аккуратно провёл кончиками пальцев от уха Лотти, вниз, по шее, к ключице, коснулся верхних пуговиц платья. Затем принялся неторопливо расстёгивать остальные, отмечая мурашки. Сперва он обратил внимание на здоровый вид кожи Лотти: учитывая предполагаемый стиль жизни, Давид ожидал худшего. Затем, когда его рука скользнула в вырез платья и аккуратно сжала небольшую грудь, он с удивлением заметил румянец на её щеках.

Это никуда не годилось: он был уверен, что встретил женщину, желающую необременительных отношений на ближайший час. А она вот-вот попросит дать ей время прочитать молитву.

Тогда Давид решил использовать своё второе по мощности оружие. Первым был ум, но ситуация не располагала к демонстрации. Поэтому он встал и начал методично расстёгивать плащ, в котором до сих пор оставался. Затем снял кофту, под которой оказалась белая сорочка.

Лотти, увидев это, удивлённо подняла брови и посмотрела Давиду в глаза.

— Рубашка... под толстовкой? — уточнила она. — Ты, может, и в душ ходишь в костюме?

Давид ничего не ответил — просто перешёл к пуговицам на манжетах. Неторопливо, почти безразлично. Справился с одним рукавом, со вторым и стал расстё-

гивать ворот. Заметив заинтересованный взгляд Лотти, усмехнулся: да, он качался и не ел после шести. Не зря, всё не зря!

Лотти смотрела на него, нерешительно крутя кулон на цепочке. Казалось, она вела внутренний диалог. Сняв очки, Давид аккуратно положил их на тумбочку, затем наконец скинул сорочку и в этот момент услышал тяжёлый вздох — это был вздох принятого решения.

Лотти оказалась нежной любовницей. Лёжа на кровати, уставший и удовлетворённый, Давид думал о том, что вечер сложился гораздо приятнее, чем он планировал. Если успеет поработать в своей домашней лаборатории, лучшего воскресенья и желать будет нельзя.

Лотти, почти полностью обнажённая, села на кровати, и Давид лениво взглянул на её худую спину. Он мог пересчитать позвонки и рёбра.

Следуя её примеру, он тоже сел на своей половине кровати, спиной к Лотти, и принялся застёгивать рубашку. Именно поэтому, когда она воскликнула: «О мой бог!» — он обернулся не сразу и увидел лишь, как хлопнулась дверь в ванную.

— Лотти? — позвал он.

— Всё в порядке, — ответила она, но голос звучал напряжённо. — Минуту.

Ему это не понравилось, но он определённо не собирался вламываться к ней, чтобы узнать, что случилось. С минуту он стоял у окна, уставившись на кирпичную стену соседнего здания. Взглянув вниз, понял, что это был тот самый тупик, в котором они с Лотти оказались, покинув «Вонючее Дно».

Давид обернулся и посмотрел на белую дверь. Его одолевало странное предчувствие, и он, поддавшись ему, вновь окликнул девушку. Она не ответила.

— Лотти, — требовательно произнёс он, подходя к ванной, и постучал.

В ответ — тишина. Только лёгкий сквозняк ласково коснулся его руки.

Без предупреждения он дважды толкнул дверь, и та, лишившись крючка, открылась. В помещении было пусто, но довольно большое открытое окно с мерно покачивающейся зелёной занавеской давало ответ на вопрос, куда делась Лотти. Увы, оно не объясняло, почему она выбрала такой способ исчезнуть.

Давид несколько секунд отстранённо смотрел вниз. Отсюда открывался вид на уже опустевшую улицу, — видимо, полицейские закончили операцию и покинули район, но здешние обитатели пока были не готовы возвращаться к привычному ритму жизни. Казалось, место просто вымерло.

Вернувшись в комнату, он окинул взглядом кучу одежды на полу. Лотти скрылась в ванной обнажённая, оставив все вещи... Давид поддел носком ботинка маленькую сумочку с потрескавшимся чёрным лаком и поцарапанной латунной застёжкой. В ней обнаружилась помада, пара мятых купюр и непонятный предмет, похожий на бронзовую медаль в форме черепахи. Вещь была тяжёлой, и Давид заподозрил в ней ключ с микро-чипом.

Он снова прошёл в ванную и, выглянув из окна, понял, как именно Лотти удалось сбежать: совсем рядом вдоль стены шла водосточная труба. При желании по ней вполне можно было спуститься вниз.

Вот только зачем?

Что могло заставить женщину исчезнуть, оставив документ и не самый обычный ключ?

Лёгкое раздражение, вызванное полнейшим недоумением, постепенно превратилось в злость. Какого чёрта здесь произошло? Что всё это значило?

Исследование одежды Лотти никак не помогло — в ней не было ничего, что могло бы как-то прояснить ситуацию. Стараясь подавить растущую тревогу, Да-

вид подхватил сумочку со всем содержимым и покинул номер.

— Ваша спутница также забрала халат, — скучающе сообщил молодой человек на ресепшене.

Давид сперва растерялся, хотя и не подал виду. Он сердито швырнул на стойку банкноты и покинул «Мотель “Отдых”», чувствуя себя каким угодно, но точно не отдохнувшим.

